

ЭВФЕМИЗМЫ КАК СРЕДСТВО МАНИПУЛЯТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АМЕРИКАНСКОМ И БРИТАНСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Н.А. Чес, Т.А. Тюкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76.

В статье рассматриваются особенности функционирования эвфемизмов в современном англоязычном политическом медиадискурсе в условиях информационной войны. Системный анализ эвфемистических номинаций в политической сфере позволил выявить номинативные области, подвергающиеся эвфемизации на современном этапе, и причины использования эвфемизмов в конкретных дискурсивных условиях. На примере рассмотрения номинативной области «вооруженный конфликт» доказываем, что, являясь незаменимым языковым инструментом создания позитивного образа «своих», эвфемизмы способны варьировать степень продуцируемой ими положительной оценки явления или события от нейтрализации негативной оценочности до явно выраженной положительной оценки. В результате проведенного анализа удалось установить, что манипулятивный потенциал эвфемистических единиц в определенной степени зависит от концептуальных оснований, формирующих их семантику, в частности, от типа метафорического концепта и механизма замены видового понятия родовым понятием. Моделирование концептуальных оснований эвфемии представляется актуальным с точки зрения изучения лингвокогнитивных механизмов манипулятивного воздействия с целью формирования политической картины мира массового адресата и влияния на общественное мнение.

Ключевые слова: эвфемизм, манипулятивное воздействие, оценочность, метафорический концепт, политический дискурс.

Естественный язык, обладающий мощным манипулятивным потенциалом, всегда использовался в политике как инструмент установления контроля и осуществления власти. Революционные изменения в сфере массовых коммуникаций, произошедшие на рубеже тысячелетий, создали новые технические возможности для управления информационными потоками, оказав значительное влияние на коммуникативное взаимодействие в политической сфере. Интернет и конвергентные СМИ обеспечивают практически неограниченный доступ к различным информационным ресурсам, делая гигантскую аудиторию потребителей информационного контента удобной мишенью для манипулятивного воздействия.

Признавая полимодальность современной коммуникативной среды, следует подчеркнуть, что ключевая роль в формировании прагматически «заряженных», идеологически значимых смыслов по-прежнему принадлежит вербальным механизмам. Используя языковые единицы, «семантика которых включает в себя всё знание об обозначаемом фрагменте действительности, имеющееся на данный момент в данном языковом сообществе» [2, с. 51], человек может создавать различные образы окружающего мира, происходящих в нём событий и явлений. По мнению А.Н. Баранова, язык обеспечивает «вариативную интерпретацию действительности», предоставляя «различные способы описания одной и той же ситуации», что

¹ Статья подготовлена при поддержке МГИМО МИД России в рамках конкурса на выполнение научных работ молодыми исследователями под руководством докторов и кандидатов наук.

и служит «языковым основанием речевого воздействия» [1, с. 176].

«Мирозозидающая функция языка», участие языка в «описаниях мира и в построении с его помощью разного рода конструкций» [3, с. 68-69] проявляет себя в полной мере в процессе лингвосомиотического освоения сфер опыта, недоступных непосредственному перцептивному восприятию, к которым относится и политика. Учитывая «виртуальность» многих компонентов политического измерения деятельности человека, можно говорить о том, что в современном мультимедийном информационном пространстве создаётся множество политических картин мира, отражающих различные мировоззренческие и идеологические предпочтения и ценностные установки. Исход конкурентной борьбы за массового адресата, разворачивающейся между альтернативными репрезентациями политической реальности, во многом зависит от эффективности используемых средств воздействия, которые должны обеспечить заданный прагматический результат – перестроить имеющуюся у реципиента систему знаний о политике и, в первую очередь, переформатировать её аксиологическую (ценностно-ориентационную) составляющую. Транслируемые смыслы должны быть доступны массовому получателю информации, не требовать чрезмерных усилий при декодировании, чётко задавать вектор оценочности и исключать возможность неоднозначной интерпретации. В этом контексте выполнение манипулятивной и регулятивной функции осуществляется именно при помощи средств вторичной номинации, в том числе эвфемистических единиц.

Определяя эвфемизм как «слово или словосочетание, используемое взамен другого слова или словосочетания, которое по нравственным, этическим, эстетическим, религиозным и другим мотивам представляется неуместным в данном контексте» [5, с. 10], Л.В. Порохницкая указывает на то, что эвфемизация является одним из «наиболее активных языковых механизмов, вызванных к жизни общей тенденцией к иносказанию, политкорректности и стремлению к смягчению и маскировке высказываемой точки зрения» [5, с. 6]. Способность эвфемистических номинаций варьировать степень продуцируемой ими положительной оценки явления или события (от нейтрализации негативной аксиологичности до явно выраженной положительной оценочности) обуславливает тот значимый вклад, который они вносят в конструирование идеологически анга-

жированных образов мира в современном политическом медиадискурсе.

В настоящей статье представлены некоторые результаты исследования, направленного на изучение особенностей функционирования эвфемизмов в англоязычном политическом дискурсе в условиях информационной войны, на материале медиатекстов, опубликованных в общенациональных качественных изданиях США и Великобритании в период с января по октябрь 2016 года.

Информационная война в медиaprостранстве может рассматриваться как коммуникационная деятельность, в основе которой лежит базовая концептуальная оппозиция СВОЙ – ЧУЖОЙ. Именно в рамках данной диады происходит структурирование всех элементов смыслового континуума, а затем отбор и организация их репрезентантов в дискурсе. Представляется, что этим фактором объясняется некоторая специфика функционирования эвфемистических единиц в политическом медиадискурсе в вышеозначенный период.

Традиционно феномен эвфемии связывают с табуируемыми номинативными сферами, при этом исследователи указывают на то, что перечень тематических областей эвфемизации изменяется с течением времени под влиянием экстралингвистических факторов, таких как секуляризация и демократизация общества, либерализация взглядов и т.п. Очевидно, что социальные и культурные преобразования, смена идеологических и ценностных доминант не происходят одномоментно, и, следовательно, снятие табу с определённых областей жизнедеятельности человека, сопровождающееся детабуированием соответствующей лексики и архаизацией группы эвфемизмов, также процесс длительный.

Политическая сфера деятельности, в отличие от многих других, характеризуется исключительной динамичностью: ежедневно в мире происходит огромное количество разных по масштабу и значимости событий, в той или иной степени соотносимых с политикой, часть которых формирует содержание мультимодальных СМИ, предлагающих свою трактовку фактуальной информации, обусловленную целым рядом экстралингвистических факторов. В этой связи представляются крайне важными два положения. Во-первых, в современной высокотехнологичной коммуникативной среде обновление информационного компонента политического медиадискурса происходит очень быстро, в режиме реального

времени, что обуславливает появление новых тематических областей, элементы которых подлежат осмыслению и вербализации. Выбор языковых репрезентантов для новых информационных элементов осуществляется в соответствии с общей концептуальной схемой, включающей ценностные ориентиры и аксиологические векторы. Учитывая в целом повышенную конфликтогенность сферы политики, можно высказать предположение о том, что в условиях информационной войны представления о политически значимых событиях моделируются на базе концептуального противопоставления СВОЙ vs ЧУЖОЙ, в котором категория СВОЙ неизменно коррелирует с положительной оценкой, а категория ЧУЖОЙ – с отрицательной оценкой. Таким образом, в сложной международной обстановке политический медиадискурс становится пространством, в котором при помощи вербальных и невербальных средств последовательно решается задача создания позитивного образа «своих» и негативного образа «чужих». Незаменимым языковым инструментом реализации данного прагматического намерения, безусловно, являются эвфемизмы и дисфемизмы.

Во-вторых, следует отметить, что многие явления социальной жизни, подвергающиеся эвфемистической номинации, могут наблюдаться непосредственно через личный опыт и неизменно подлежат осуждению и порицанию в разных лингвокультурах. В частности, сложно найти пример сообщества людей, в котором чрезмерное употребление алкоголя, приводящее к анти-социальному поведению и разрушению личности, считалось бы не пороком, а добродетелью и возводилось бы в ранг ценностей. Учитывая столь однозначно негативное отношение к пьянству, эвфемистическая репрезентация данного пагубного пристрастия как болезни или жажды может лишь смягчить отрицательную оценочность или нейтрализовать её, но не изменить на диаметрально противоположную. Политические события в подавляющем большинстве случаев не доступны непосредственному восприятию массовой аудитории, многие из них происходят в других городах, странах и даже на других континентах. Отсутствие возможности сформировать оценку происходящего, основываясь исключительно на своих собственных ощущениях и впечатлениях, означает, что определяющая роль в данном процессе принадлежит «посредникам», то есть средствам массовой коммуникации, которые не просто выполняют функцию провайде-

ров информации, но выступают в качестве манипулятора, оказывающего решающее влияние на результирующее представление обо всём происходящем в мире.

Данное исследование показывает, что в англоязычном дискурсе в период с января по октябрь 2016 года употребление эвфемистических единиц было зафиксировано при описании всех актуальных проблем, формирующих политическую повестку дня, а именно: кризисной ситуации на Украине, гражданских войн в Сирии и Ираке, военных операций в Сирии и Ираке по борьбе с запрещённой в России террористической организацией ИГИЛ, попытки военного переворота в Турции, гуманитарной катастрофы в ряде государств Ближнего Востока и Северной Африки и спровоцированного ей миграционного кризиса в Европе, референдума в Великобритании о выходе из Европейского союза и его последствий, предвыборной кампании в США.

Следует отметить, что большое количество происходящих сегодня в мире войн и конфликтов, сопровождающихся применением военной силы, обуславливает статус номинативной области «вооружённый конфликт» как одной из самых репрезентативных сфер эвфемии. По данным Е.М. Лазаревич, осуществившей количественный анализ употребления политкорректных эвфемизмов в публицистических текстах, эвфемизмы, входящие в номинативную область «вооружённый конфликт», лидируют по частотности употребления [4, с. 26].

На современном этапе посредством эвфемистической номинации в англоязычном медиадискурсе репрезентируются такие события как продолжающиеся с 2011 года гражданская война и антитеррористическая операция США и их союзников в Ираке, Иракская война 2003-2011 годов, предпринятая летом 2016 года попытка военного переворота в Турции, начавшаяся весной 2011 года гражданская война в Сирии и последовавшая за ней в сентябре 2014 года военная интервенция США и их союзников. Функционал эвфемизмов, используемых британскими и американскими СМИ, варьируется от реализации установки на нейтрализацию негативной реакции на данные события путём смягчения отрицательной этической и моральной оценки некоторых действий и их последствий до формирования однозначно положительных представлений. Необходимо отметить, что в результате проведённого анализа удалось установить, что манипулятивный потенциал эвфемистических

единиц в определённой степени зависит от концептуальных оснований, формирующих их семантику, в частности, от типа метафорического концепта.

Создатели теории концептуальной метафоры Дж. Лакофф и М. Джонсон выделяют три категории метафорических концептов: ориентационные, онтологические и структурные. Ориентационные и структурные метафорические концепты, по мнению исследователей, характеризуются относительно простой внутренней структурой и основаны на опыте непосредственного взаимодействия человека с миром. В рамках структурных метафорических концептов устанавливаются множественные соответствия между различными сферами опыта; концепты данного типа имеют сложную информационную структуру [7, с. 19-25]. Манипулятивный потенциал заложен в метафорических концептах всех категорий, однако, есть основания полагать, что репрезентанты структурных метафорических концептов обладают большей воздействующей силой, что обусловлено, прежде всего, способностью структурных метафорических концептов продуцировать развёрнутые образные представления, актуализируя различные ассоциативные связи и оказывая воздействие на эмоциональную сферу [6].

По нашим данным, эвфемистические единицы, концептуальные основания которых формируются ориентационными и онтологическими метафорическими концептами, ориентированы на нейтрализацию негативной оценки явления или события и выполняют, таким образом, смягчающую функцию. В то время как эвфемизмы, актуализирующие соответствия между двумя различными сферами опыта в рамках структурных метафорических концептов, выполняют собственно манипулятивную функцию, создавая идеологически нагруженные образы, характеризующиеся однозначно положительной оценочностью. Проиллюстрируем данное положение примерами.

Одним из объектов эвфемизации в номинативной сфере «вооружённый конфликт» является «убийство человека / людей в ходе военных действий». Анализ концептуальных оснований эвфемизмов данной тематической группы позволил выявить следующие метафорические концепты: онтологические метафорические концепты PEOPLE KILLED ARE LOSS (*убитые люди - потеря*), KILLING SB IS REMOVING (*убить кого-либо - убрать / переместить*), KILLING SB

IS PURIFICATION (*убить кого-либо - провести чистку / очистить*), структурный метафорический концепт BEING KILLED IS SACRIFICE (*быть убитым - пожертвовать собой*).

Репрезентантами онтологического метафорического концепта PEOPLE KILLED ARE LOSS (*убитые люди - потеря*), использующегося при описании американцев, погибших в ходе войны в Ираке, являются лексикализованные метафоры *loss of life, heavy losses, to lose sb*, не создающие яркой образной картины, и, следовательно, функционально ориентированные на то, чтобы смягчить негативную оценку факта гибели людей: *The US lost 4,487 service personnel in Iraq with thousands more injured* [<http://www.bbc.co.uk/newsbeat/article/36702085/what-is-the-chilcot-iraq-war-inquiry-and-why-are-families-of-dead-soldiers-angry>].

В терминах перемещения объектов в пространстве, удаления ненужных объектов и проведения чистки концептуализируются и описываются жёсткие меры правительства Турции в отношении участников неудавшегося военного переворота летом 2016 года, а также контртеррористические операции США и их союзников на территории Ирака и Сирии. Например: *Whatever the motivation, the attempt has doubtlessly been used as a pretext for Erdoğan to do whatever he intended to do in any case - pushing for one-man rule by a total cleansing of all opposition* [<https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jul/18/turkey-failed-coup-president-erdogan-clampdown-media-military>]. Эвфемистические номинации, репрезентирующие онтологические метафорические концепты KILLING SB IS REMOVING (*убить кого-либо - убрать / переместить*), KILLING SB IS PURIFICATION (*убить кого-либо - провести чистку / очистить*), относятся к языковым метафорам со стёртой образностью и могут считаться системными эвфемизмами, нейтрализующими отрицательную оценочность (например, *to take enemy combatants off the battle-field, to take out Osama bin Laden, remove sb from the battlefield, то есть «убрать / переместить»*) или создающими умеренно положительную оценочность (например, *a cleansing of the opposition, a purge of alleged plotters, то есть «очистить»*). Данные эвфемистические единицы могут приносить в описание событий элемент недосказанности, поскольку в некоторых контекстах остаётся неясным, были ли люди убиты, ранены или взяты в плен.

Структурные метафорические концепты, продуцирующие более конкретные, детализиро-

ванные образы, выступают в качестве концептуальной основы эвфемизмов с явно выраженной положительной аксиологичностью. Следует отметить, что определяющую роль в изменении отрицательного знака оценки на диаметрально противоположный, играет выбор сферы-источника метафорического переноса. В частности, в тех случаях, когда в процессе метафорической концептуализации событий, повлекших массовую гибель людей, в качестве сферы-источника используется концепт РЕЛИГИЯ, эвфемистические номинации становятся носителями однозначно положительной оценочности. Например, структурный метафорический концепт BEING KILLED IS SACRIFICE (*быть убитым – пожертвовать собой*) лежит в основе эвфемистических единиц *martyrs* (*мученики*) и *to make the ultimate sacrifice* (*пожертвовать жизнью, букв. «принести величайшую жертву»*), референтами которых являются жители Турции, убитые в ходе подавления военного переворота (*martyrs were killed*), и американские военнослужащие, погибшие в ходе Иракской войны (*all who have made the ultimate sacrifice*). В данных контекстах в фокус метафорического переноса выводятся когнитивные признаки, входящие в систему морально-нравственных ориентаций и ценностей многих обществ, такие как «жертвенность», «благородство», «готовность принять мучения во имя высшей цели», что увеличивает действенность манипулятивного посыла, заключающегося в том, чтобы обеспечить восприятие эмоционально тяжёлых и крайне негативных событий (смерти людей) как актов мученичества или исполнения долга, мотивированных высшей целью служения своей стране.

Эвфемистические номинации формируются на базе целого ряда механизмов, в число которых, помимо рассмотренной выше метафорической проекции, входит замена видового понятия родовым понятием. В номинативной области «вооружённый конфликт» механизм замены используется с целью эвфемистической репрезентации концептов ВОЙНА и АТАКА. Эвфемистический эффект достигается при помощи генерализации, размывания смысла посредством замены номинации с отрицательной коннотацией (*war, attack*) родовым термином (*conflict*) или замены лексемой с более широкой семантикой (*operation, campaign, measure*), например: *When the festivities are over, parents and children curiously inspect an American M1A2 Abrams tank and a Bradley infantry fighting vehicle, fresh from*

the NATO “Noble Partner” exercise, which rehearsed quickly moving soldiers and equipment to counter “any potential future operation.” The word “Russia” is left unsaid [<http://europe.newsweek.com/europe-and-russia-theres-talk-war-481510?rm=eu>]. Замена видового понятия родовым понятием, как правило, приводит к нейтрализации или некоторому ослаблению негативной оценочности. Однако, одновременное с заменой употребление лексем с положительной коннотацией, таких как *joint* (*совместный*), *peace / peace-making / peace-building* (*миротворческий*), *security* (*направленный на обеспечение безопасности*), *anti-coup* (*направленный на пресечение попытки переворота*), *anti-terrorist / counter-terrorist* (*антитеррористический, контртеррористический*), призванных сфокусировать внимание реципиентов на положительно оцениваемых когнитивных признаках «единство», «мир», «безопасность», «противодействие угрозе», «пресечение чего-либо противоправного», способствует однозначно положительному восприятию военных действий как правомерных, легитимных, оправданных и необходимых: *the joint operation in Afghanistan, peace operations in Iraq and Afghanistan, anti-coup operations in Turkey, the Mosul security operation, the anti-terror operation to cleanse Fallujah.*

Эвфемизмы являются универсальным средством корректировки пейоративных смыслов, в результате чего одни и те же эвфемистические единицы могут использоваться как «своими», так и «чужими». В следующем примере эвфемизм *security operations* (*действия по обеспечению безопасности*) появился в интернет-комментарии членов запрещённой в России террористической организации ИГИЛ (запрещена в РФ): *IS, which follows its own extreme version of Sunni Islam, said in an online statement that the attack in Karrada was carried out by an Iraqi as part of «ongoing security operations»* [<http://www.bbc.com/news/world-middle-east-36699562>]. Эвфемистическая номинация *security operations* замещает в данном заявлении прямые номинации *terror act* (*террористический акт*) и *suicide bombing* (*террористический акт, совершённый террористом-смертником*) при описании теракта, совершённого боевиками ИГИЛ (запрещена в РФ) 3 июля 2016 года в Багдаде, с целью оправдать и замаскировать ужасающие последствия данного преступления – гибель 165 мирных жителей.

Результаты проведённого исследования демонстрируют перспективность и актуальность

дальнейшего изучения процессов эвфемизации в современном политическом медиадискурсе. Системный анализ эвфемистических номинаций в политической сфере, предполагающий выявление номинативных областей, подвергающихся эвфемизации на разных этапах развития лингвообщества, и причин использования эвфемизмов в конкретных дискурсивных условиях, даёт возможность составить более полное представление о границах «приемлемого» и позволяет сделать ряд выводов, касающихся изменений

в системе ценностей и норм определённого лингвообщества. Моделирование концептуальных оснований эвфемии представляется важным с точки зрения изучения лингвокогнитивных механизмов манипулятивного воздействия и понимания принципов и правил их использования в современной информационной среде в целях формирования политической картины мира массового адресата и влияния на общественное мнение.

Список литературы

1. Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста : теоретические основания и практика : учеб. пособие / А.Н. Баранов – 5-е изд. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2013. 592 с.
2. Беляевская Е.Г., Маляр Т.Н. Принципы минимизации интерференции родного языка при обучении иностранному языку (концептуальные структуры пространства и времени в английском и русском языках). – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2012. 180 с.
3. Кубрякова Е.С. В поисках сущности языка: Когнитивные исследования / Ин-т. Языкознания РАН. М.: Знак, 2012. 208 с.
4. Лазаревич Е.М. Употребление эвфемизмов с функцией политкорректности в публицистических текстах (на материале английского языка) // Вестник Томского государственного университета. 2014, № 378. С. 25–29.
5. Порохницкая Л.В. Концептуальная метафора в эвфемии: Монография. – М.: Издательство «Спутник+», 2013. 370 с.
6. Чес Н.А. О лингвокреативном потенциале метафоры в политическом дискурсе: концептуальные конвенции и инновации / Н.А. Чес // Лингвокультурологические исследования: Язык лингвокультурологии: теория vs. Эмпирия / Отв. ред. М.Л. Ковшова. – М.: ЛЕНАНД, 2016. С.187-190.
7. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 237 p.

Сведения об авторах:

Чес Наталья Анатольевна – доцент, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №7 Факультета политологии МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера интересов: когнитивная лингвистика, политическая лингвистика, дискурс-анализ. E-mail: natches@yandex.ru.

Тюкина Татьяна Александровна – старший преподаватель кафедры английского языка №7 Факультета политологии МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера интересов: лексическая семантика, политический дискурс, теория и методика преподавания иностранных языков. E-mail: tyukina_tatyana@mail.ru.

EUPHEMISMS AND POWER OF PERSUAISON IN BRITISH AND AMERICAN POLITICAL DISCOURSE OF MASS MEDIA

Ches N.A., Tyukina T.A.

Moscow State Institute of International Relations (University),
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia.

The Abstract: *The article considers euphemisms functioning in the modern British and American political discourse of mass media in the context of information warfare. The analysis has identified a number of semantic groups of political euphemisms and the reasons for their use in the political discourse of mass media. The study of euphemisms belonging to the semantic group “Armed Conflict” has proved that euphemisms function as a powerful linguistic tool to create the positive image of “our side”. Political euphemisms can be used to describe less pleasant notions in more pleasant or discreet ways thus softening the potentially negative impact of the expression or they can perform the covering up function in order to*

deliberately disguise actual meanings of words in political discourse. The research has also demonstrated that most political euphemisms in the semantic group "Armed Conflict" are based on the metaphorical transfer and the mechanism of replacing hyponyms with superordinates. The cognitive linguistics analysis of euphemisms in the contemporary political discourse of mass media is essential for the study of the methods of language manipulation since euphemistic expressions allow naming things without calling up mental pictures of them and, as a result, they can be used in mass media to manipulate public opinion, construct people's beliefs about politics and influence attitudes.

Key Words: *euphemism, persuasion, evaluation, metaphoric concept, political discourse.*

References

1. Baranov, A.N. Lingvisticheskaya ekspertiza teksta : teoreticheskie osnovaniya i praktika : ucheb. posobie [Linguistic Analysis of Texts: Theory and Practice] / A.N. Baranov – 5-e izd. – M. : FLINTA : Nauka, 2013. 592 p.
2. Belyaevskaya, E.G., Malyar, T.N. Printsipy minimizatsii interferentsii rodnogo yazyka pri obuchenii inostrannomu yazyku (kontseptual'nye struktury prostranstva i vremeni v angliyskom i ruskom yazykakh) [How to Minimize Cross-Language Transfers] – M.: IPK MGLU «Re-ma», 2012. 180 p.
3. Kubryakova, E.S. V poiskakh sushchnosti yazyka: Kognitivnye issledovaniya [Cognitive Studies of Language] / In-t. Yazykoznaneya RAN. M.: Znack, 2012. 208 p.
4. Lazarevich, E.M. Upotreblenie evfemizmov s funktsiyey politkorrektnosti v publitsisticheskikh tekstakh (na materiale angliyskogo yazyka) [Euphemisms and Politically Correct Language] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014, no. 378, pp. 25–29.
5. Porokhnitskaya, L.V. Kontseptual'naya metafora v evfemii: Monografiya [Metaphorical concepts and Euphemisms] – M.: Izdatel'stvo «Sputnik+», 2013. 370 p.
6. Ches, N.A. O lingvokreativnom potentsiale metafory v politicheskom diskurse: kontseptual'nye konventsii i innovatsii [Political Discourse Analysis: Conceptual Metaphor and Language Creativity] / N.A. Ches // Lingvokul'turologicheskie issledovaniya: Yazyk lingvokul'turologii: teor-iya vs. Empiriya / Otv. red. M.L. Kovshova. – M.: LENAND, 2016, pp.187-190.
7. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 237 p.

About the authors:

Natalya A. Ches – PhD, Associate Professor of the English Language Department, MGIMO-University (Russia, Moscow). Spheres of interest: cognitive linguistics, political discourse analysis, media discourse analysis.

E-mail: natches@yandex.ru.

Tatyana A. Tyukina – Assistant Professor of the English Language Department, MGIMO-University (Russia, Moscow). Spheres of interest: semantics, political discourse analysis, teaching English as a foreign language.

E-mail: tyukina_tatyana@mail.ru.

★ ★ ★